

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Единой интерпретации рациональности в экономике не существует. В статье анализируются идеи рациональности в западной и отечественной экономике. Рассматриваются проблемы рациональности. Особое внимание уделяется рассмотрению изменения рациональности в контексте современных реалий. Авторами разработан подход для построения пространственной Модели рационального согласования интересов. Это позволяет определять критерии рациональности.

Ключевые слова: модель человека, рациональность, органическая рациональность, ограниченная рациональность, типы рациональности, иррациональность.

В условиях сложных искусственных систем (социальных, экономических и социотехнических) «парадигма классической рациональности, ориентированная на поиск объективной истины в процессах принятия решений, „в чистом виде“ здесь уже „не работает“. На смену ей должна прийти другая парадигма, „степень рациональности“ которой была бы ограничена учетом... „человеческого фактора“, что предполагает... использование методов гуманитарных наук, а также восточного мировоззрения с характерным для него „слиянием“ человека с бытием и перенесением акцента с научного отображения бытия на обыденное» [1, с. 24].

Выделяются три основных типа рациональности и соответствующие им модели экономического человека с учетом парадигм:

1. Первое направление (английская классическая школа и неоклассическое направление, включая неолиберализм) представлено концепцией максимизации неограниченной индивидуальной полезности на основе полной информированности субъектов. Главным мотивом поведения является рациональный выбор – собственный интерес, как правило, денежный или сводимый к деньгам. Модель «человека экономического» («*homo economicus*») – первая экономическая традиционная модель человека, подходы к формированию которой заложены А. Смитом; человек рассматривается как эгоистично-социальное существо. Объектом исследования является экономический агент, а предметом – его действия на рынке [2, с. 5].

2. Второе направление (историческая школа, институционализм, кейнсианство; парадигма институциональной экономики) представлено концепциями ограниченной индивидуальной полезности, ограниченной (локальной) рациональности. Ограничивающими факторами являются: неполнота информации, институты, субъективно-психологический фактор [3, с. 27]. «Побудительными мотивами действий агентов являются не столько попытки обеспечения максимальной прибыли, сколько стремление к соответствию данного агента ин-

ституциональным нормам и правилам, к улучшению своего положения в рамках этих институтов» [2, с. 5]. Модель человека – человек институциональный [4, 5]; человек рассматривается как исторически обусловленное социально-индивидуальное существо. Объект исследования – не агент, а институт; предмет – отношения агентов и институтов.

3. Третье направление (эволюционная парадигма). «Поведение агентов рассматривается в контексте факторов эволюционного характера и требует обнаружения и изучения механизмов, аналогичных механизму наследования генотипа агента, популяции агентов, общества в целом» [2, с. 7]. Модель человека с органической рациональностью; человек – общественное и социально-правовое существо, соблюдающее определенные устойчивые ценности и располагающее пучком оговоренных прав. Объект исследования – популяция агентов со сходным социально-экономическим генотипом; предмет изучения – поведение агентов, учитывающее наследственные и приобретаемые факторы [2, с. 7].

С учетом результатов исследования эволюции западноевропейской и русской научной мысли о человеке в экономике, тенденции формирования «новой экономики» и трансформации содержания рациональности [6] можно предположить в качестве гипотезы появление новой модели человека (Модели «нового экономического человека») с присущей ей рациональностью. Причем эта модель в зависимости от конкретно-исторических условий может реализовываться в одной из двух разновидностей: Модель человека экономического с органической социально-гуманитарной рациональностью или Модель человека экономического с органической консенсуальной рациональностью.

Данная гипотеза становится возможной, так как человек как личность становится не только центром общества, но и целью социальной ориентации общества, его главной стратегической целью. Экономика превращается в реальную антропоцентрическую систему.

Консенсуальная составляющая как характеристика рациональности в «новой экономике» обусловлена тем, что «компромисс как способность поступиться частью своих интересов также требует моральной зрелости и опыта компромисса» [7, с. 192, 193]. «Коммуникативные действия являются механизмом достижения взаимопонимания и консенсуса неоднородных акторов, а системы поддержки коммуникативных действий... могут обеспечить повышение эффективности социальной самоорганизации и решение проблем управления в сложных системах» [8, с. 371].

Консенсуальная рациональность предполагает соответствие интересов (мотивов) разных индивидуумов и результатов, при котором обеспечивается консенсус и недопущение конфликтов, как поддающееся, так и не поддающееся строгой количественной оценке.

По мнению Дж. Хиршлейфера, экономический человек характеризуется целями, основанными на собственном интересе, и рациональным выбором средств, но рациональность экономического человека не распространяется на область выбора самих целей. Рациональность носит чисто инструментальный характер и связана исключительно с выбором оптимальных средств удовлетворения собственных потребностей, что равносильно максимизации индивидуальной целевой функции [9, р. 54]. Однако в современных условиях для человека важно не пассивное восприятие целей (данных ему извне, в том числе не всегда осознанных через навязываемые потребности), а активное участие в постановке целей и выборе средств их достижения.

Рис. 1. Пространственная модель рационального согласования интересов (на дезагрегированном представлении факторов-условий)

Предлагаемая пространственная Модель рационального согласования интересов (иначе Модель стратегической цели) (рис. 1) позволяет обеспечить единство подхода, учитывая влияние одних и тех же факторов на человека и на Россию [10, 11].

Данный подход исходит из того, что абсолютизация индивидуальных факторов экономического поведения неприемлема. Он обеспечивает целостное, многоаспектное представление человека в системе существующих моделей человека, а также отображает особенности человека, характерные для различных условий его жизнедеятельности.

Кроме того, предложенный подход согласуется с существующими представлениями об условности дихотомии целого и части, общества и отдельного индивида: в действительности любой объект может быть признан целым с одной точки зрения, но частью – с другой [12, с. 116]. Кроме того, при рассмотрении причинно-следственной связи необходимо учитывать, что любая причина, рассматриваемая в качестве конечной (т. е. автономной, независимой), таковой не является, поскольку всегда может быть интерпретирована как результат действия других факторов [12, с. 110].

В связи с этим в рамках предложенного подхода к построению пространственной Модели рационального согласования интересов (далее Пространственная модель), с одной стороны, учитывается контекст индивидуального поведения (социального, культурного, исторического и т. п.), а с другой – устраняется противопоставление между индивидуальным и общественным.

Экономический человек находится в ситуации, когда количество доступных ему ресурсов в целом ограничено, поэтому он вынужден ранжировать свои цели, но в предлагаемой Пространственной модели предложен подход, позволяющий управлять процессами создания условий для реализации модели «нового экономического человека» через:

- ранжирование только в рамках макро-, мезо-, микроуровней функционирования человека (его сфер жизнедеятельности);
- обоснование приоритетности целевой установки для конкретных условий (с помощью выбора наиболее приемлемой грани многогранника).

Предлагаемая Пространственная модель позволяет также реализовать одну из основных, по мнению В. В. Радаева, задач построения модели человека – построение, вместо единой модели, набора типологий по ряду шкал, которые связывают (и одновременно противопоставляют) экономически и социально ориентированные действия, а также дифференцируют эти действия по социальным общностям [13, с. 29–30].

При формировании модельного представления целевой функции человека учитывалось, что цель предполагает систематизированную иерархию согласованных частных целей, в свою очередь являющихся на каждом уровне проекцией реализации общей (высшей, интеграционной) цели [14, с. 6–24].

Кроме того, необходимо учитывать, что рациональность может иметь различные механизмы ее обеспечения [15, с. 135–136]:

– ситуации, где рынок эффективен, позволяют достичь равновесия, «выбор носит повторяющийся, регулярный характер; влияние неопределенности незначительно или может быть сведено к набору заранее известных вероятностей будущих событий; структуру отрасли удовлетворительно описывает модель совершенной конкуренции», целесообразно применение неоклассической экономической теории;

– ситуации, где рынок неэффективен, «требуют самостоятельных механизмов регуляции, основанных на социальной и долгосрочной рациональности. Так, введение в условия «игры» подлинной неопределенности, от которой нельзя застраховаться, повышение транзакционных издержек и стоимости обработки информации, превышение пределов человеческих возможностей интеллектуального анализа и синтеза (прежде всего целеполагания) заставляют обращаться к многофакторным моделям рациональности экономического поведения и к сложной проблематике регуляции на социальном и групповом уровнях» [16].

По нашему мнению, представление о частном, собственном благе (адекватное конкретным условиям), не противоречащее или совпадающее с представлением о благе общества/экономики в целом (конкретного уровня этой иерархической системы), в соответствии с органической социально-гуманитарной рациональностью или органической консенсуальной рациональностью может быть сформировано на основе предлагаемой Пространственной модели.

Причем эти процессы согласования частных и общих целей (интересов) должны осуществляться не принудительно, а с учетом наличия условий (их достаточности, зрелости) для реализации факторов, составляющих основу Модели человека, и принципов социальной справедливости (содержательно наполненных в соответствии с конкретно-историческими условиями).

Наша позиция не противоречит мнению В. С. Швырева в раскрываемом им содержании открытой рациональности: «„Открытая рациональность“ потому и заслуживает название рациональности, что работа в ее режиме осуществляется в определенном структурированном пространстве

(хотя и не алгоритмируется); здесь могут предлагаться различные артикулируемые стратегемы действий, оцениваться их эффективность и пр. (ср. „Доказательства и опровержение“ И. Лакатоша)» [7, с. 116].

Пространственная модель позволяет разграничивать целерациональность (как объективное отношение соответствия между деятельностью и ее целью) и критерий целерациональности (как «достижение цели»). «От всех этих составляющих рациональности нужно отличать их критерии. Есть абсолютно надежные, технологичные критерии, которым можно обучить любого, есть не надежные критерии, действующие на уровне не технологии, а искусства, но они есть, и именно их используют в свободной творческой деятельности» [7, с. 287].

Поиск критериев «рациональности/иррациональности» (согласованности) на примере Пространственной модели по секторам основания многогранника можно показать следующим образом.

Так, границей секторов «территория–человек–социальные институты» и «социальные институты–человек–самосознание» служит «человек–социальные институты». Границей секторов «социальные институты–человек–самосознание» и «самосознание–человек–самореализация» служит «человек–самосознание».

Показатели качественного изменения состояния этой границы в каждом конкретном случае («социальные институты–человек–самосознание» или «человек–самосознание») с точки зрения обеспечения баланса интересов разнообразных ее носителей, участвующих на разных уровнях: нано-, микро-, мезо- и макро-, позволяют судить о достаточности (приемлемости или оптимальности для данных условий) уровня согласованности баланса интересов, целевой функции. Состав конкретных, преимущественно «внеэкономических» показателей, выступающих в роли критериев, зависит от соответствующего уровня (нано-, микро-, мезо- и макро-).

Аналогичным образом можно рассмотреть сектора «технологии–человек–территория» и «территория–человек–социальные институты». Только на базе единого образовательного пространства, создающего необходимые условия для формирования и функционирования межгосударственного инновационного пространства, возможна концентрация ресурсов на приоритетных направлениях технологического прорыва для развития современных технологических укладов (17). Границей этих секторов будет «территория–человек», показатели качественного изменения состояния которой можно будет оценивать с точки зрения адекватности (корректности) выбора теорий размещения и обоснованности принимаемых решений с учетом эко-

номических, экологических и социальных эффектов, обеспечения баланса интересов разнообразных носителей, участвующих на разных уровнях: нано-, микро-, мезо- и макро-.

Если, например, рассматривать сектор «условия жизни–человек–технологии» и сектор «условия жизни–человек–самореализация», то границей этих секторов служит «человек–условия жизни», показатели качественного изменения состояния которой (с точки зрения обеспечения баланса интересов разнообразных ее носителей, участвующих на разных уровнях: нано-, микро-, мезо- и макро-) позволяют судить о достаточности (приемлемости или оптимальности для данных условий) уровня согласованности баланса интересов, целевой функции. Состав конкретных, преимущественно «экономических», показателей, выступающих в роли критериев, зависит от соответствующего уровня (нано-, микро-, мезо- и макро-).

Огромный интерес в выборе критериев представляют работы академика В. Л. Макарова, в которых раскрыт принцип двухступенчатости в потреблении жизненно важных для человека и общества благ и услуг (прежде всего таких сфер, как образование, здравоохранение, др.). Проблема рационального, точнее, гарантированного минимума, разрабатывалась авторами, исследовавшими плановую экономику [18]. Западными экономистами данный принцип изучен недостаточно, хотя Дж. Тобин рассматривал распределение ряда благ и предлагал принцип рационального.

Таким образом, предлагаемый нами подход (рис. 2) позволяет:

- 1) избегать ограниченности (только экономическими критериями) в выборе критериев «рациональности/иррациональности»;
- 2) обосновывать выбор критериев с учетом особенностей в каждом конкретном случае;
- 3) использовать как экономические, так и «внеэкономические» критерии «рациональности/иррациональности».

Условные обозначения:

I и II – возможные мотивационные действия, описываемые «соседними» секторами многоугольника/многогранника.

Блок «Достигнут?» может представлять проверку на основе критерия, наиболее адекватно описывающего согласованность двух разных мотивационных действий разных людей (разнообразных форм социума), тем самым обеспечивая устойчивость социально-экономической системы и относительную индивидуальную свободу (самостоятельность).

Блок «Достигнут?» может представлять проверку на основе критерия, наиболее адекватно описывающего альтернативные варианты поведения од-

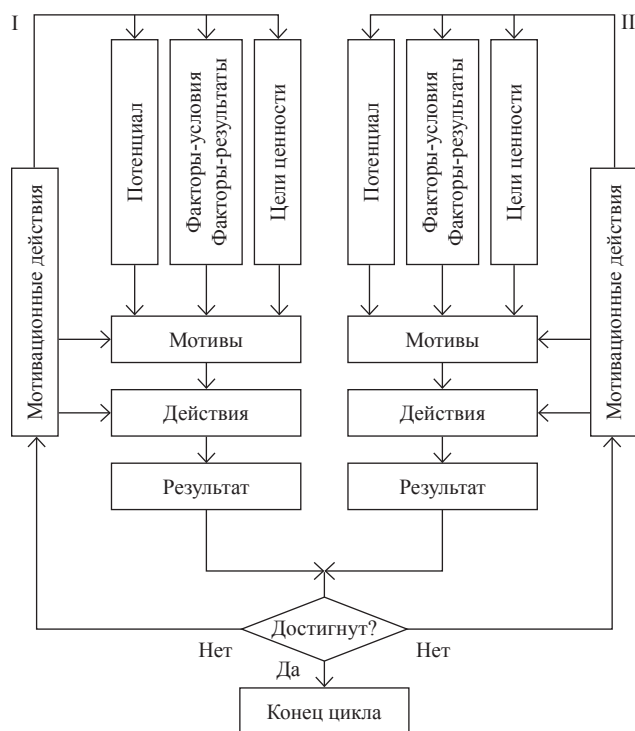

Рис. 2. Согласование частных целевых функций

ного человека и позволяющего ему обосновать свой выбор для наиболее полной самореализации в конкретных условиях.

В качестве критерия можно использовать предлагаемое Б. М. Генкиным [19, с. 143–148] выделение трех компонент трудовой деятельности:

- 1) альфа-труд – это регламентированный труд (может быть как физическим, так и умственным);
- 2) бэтта-труд – это творческий (или новационный) труд (преимущественно труд изобретателей, рационализаторов, ученых, педагогов, врачей, инженеров, организаторов производства, предпринимателей, т. д.). Результат непосредственно определяется способностями к конкретному виду творчества и пассионарностью (активностью);
- 3) гамма-труд – это духовный труд (положительный вектор – доверие, добро, совесть, альтруизм, т. д.; отрицательный вектор – нетерпимость, вражда, тоталитаризм, т. д.).

Таким образом, исследование эволюции теоретических представлений о рациональности (различных форм и типов), механизмах ее обеспечения с учетом разнообразных ресурсных и целевых ограничений для разных индивидов (в том числе консолидированных) неразрывно связано с эволюцией представлений о Модели человека и с изменением содержания экономического поведения, обусловленного усложнением социально-экономических отношений (доступностью к ограниченным ресурсам, институтам, др.).

Список литературы

1. Виттих В. А. Парадигма ограниченной рациональности принятия решений – 1 // Вестн. Самарского гос. техн. ун-та (серия «Технические науки»). 2009. № 3 (25). С. 22–31.
2. Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем. М., 2004.
3. Автономов В. С. Модель человека в экономической науке // Новое поколение: экономисты, политологи, философы. 1996. № 2. Т. 1. 3–40 с.
4. Homo Institutus. Человек институциональный / под ред. О. В. Иншакова. М., 2005.
5. Быченков В. М. Институты. Сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. М., 1996.
6. Лисовская Е. Г., Рощина Г. С. Русская научная мысль и западные социал-утописты: соответствие представлений о человеке тенденциям формирования «новой экономики» // Вестн. Томского гос. ун-та. 2013. № 370 (май). С. 124–131.
7. Исторические типы рациональности / отв. ред. В. А. Лекторский. Т. 1. М.: ИФ РАН, 1995. 350 с.
8. Виттих В. А., Игнатьев М. В., Смирнов С. В. Системы поддержки коммуникативных действий. Проблемы управления и моделирования в сложных системах // Тр. XIII Междунар. конф. Самара: Самарский научный центр РАН, 2011. С. 369–371.
9. Hirschleifer J. The Expanding domain of economics // American Econ. Rev. 1985. December. V. 75. № 6. Pp. 53–68.
10. Рощина Г. С. Концептуальный подход к разработке стратегии развития территории: соединение универсальности и индивидуальности // Вестн. Томского гос. ун-та. 2010. № 332 (март). С. 144–148.
11. Рощина Г. С. Возможности целевого управления моделью человека для достижения устойчивого социально-экономического развития экономики // Вестн. Томского гос. ун-та. 2012. № 364 (ноябрь). С. 134–139.
12. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / пер. с англ. М.: Дело, 2003.
13. Радаев В. В. Еще раз о предмете экономической социологии // Экон. социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 21–34.
14. Рощина Г. С. Концептуальный подход к разработке модели национальной идеи: соединение универсальности и индивидуальности // Сборник материалов Всероссийского открытого молодежного конкурса. М., 2010.
15. Покровская Н. Н. Рациональность экономического поведения // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки. 2007. № 9. С. 128–137.
16. Arrow K. Rationality of self and others in an economic system // Journal of Business. 1986. № 4 (October). Pp. 382–399.
17. Фролова Е. А. Спонтанная самоорганизация индивидов – ключевой фактор формирования социальной ответственности экономических субъектов в России // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2013. Вып. 12. С. 26–30.
18. Makarov V. L., Rubinov A. M., Levin, M. I. «Mathematical economic theory: Pure and Mixed Types of Economic Mechanisms». Advanced Textbooks in Economics. V. 33. Elsevier, North-Holland, 1995. 610 p.
19. Генкин Б. М. Основания экономической теории и методы организации эффективной работы. М.: Норма, 2009. 448 с.

Воробьева Г. С., аспирант.

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова.

Стремянный пер., 36, Москва, Россия, 117997.

E-mail: riv58@narod.ru

Лисовская Е. Г., доктор экономических наук, профессор.

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова.

Пер. Стремянный пер., 36, Москва, Россия, 117997.

Материал поступил в редакцию 17.02.2014.

G. S. Vorobyova, E. G. Lisovskaya

TRENDS IN THE FORMATION OF MODERN CONCEPTS OF RATIONALITY

There is no interpretation of rationality shared by everyone in economics. This article analyzes the ideas of rationality in Western and Russian economy. The article deals with the problems of rationality. Particular attention is paid to changes in the way of rationality in the context of contemporary realities. The authors have developed a method for construction of a spatial Model of the rational coordination of interests. This allows to determine the criteria of rationality.

Key words: *model of human, rationality, organic rationality, organic rationality, limit rationality, types of rationality, irrationality.*

References

1. Vittikh V. A. Paradigm of limited rationality of decision-making – 1. *Samara State Technical University Bulletin* (Technical science series), 2009, no. 3 (25), pp. 22–31 (in Russian).
2. Kleyner G. B. *Evolution of institutional systems*. Moscow, 2004 (in Russian).
3. Avtonomov V. S. Model of the person in economic science. *New generation: economists, political scientists, philosophers*, 1996, no. 2, vol. 1, pp. 3–40 (in Russian).
4. *Homo Institutus*. The person institutional / Under the editorship of O. V. Inshakov. Moscow, 2005 (in Russian).
5. Bychenkov V. M. *Institutes. Supercollective formations and impersonal forms of social subjectivity*. Moscow, 1996 (in Russian).
6. Lisovskaya E. G., Roshchina G. S. Russian scientific thought and western social utopian: compliance of ideas of the person to formation tendencies of “new economy”. *Tomsk State University Bulletin*, 2013, no. 370 (May), page 124–131 (in Russian).
7. *Historical types of rationality* / ed. V. A. Lektorsky. Vol. 1. Moscow, IF RAS Publ., 1995. 350 p. (in Russian).
8. Vittikh V. A., Ignatyev M. V., Smirnov S. V. *Systems of support of communicative actions. Management and modeling problems in difficult systems*. Works of XIII international conference. Samara, SRAS Publ., 2011, pp. 369–371 (in Russian).
9. Hirshleifer J. The Expanding Domain of Economics. *American Economic Review*: 1985, December, vol. 75, no. 6, pp. 53–68.
10. Roshchina G. S. Conceptual approach to development of strategy of the territory development: universality and identity connection. *Tomsk State University Bulletin*, 2010, no. 332 (March), pp. 144–148 (in Russian).
11. Roshchina G. S. Management capabilities of the target model of man to achieve sustainable socio-economic development of the economy. *Tomsk State University Bulletin*, 2012, no. 364 (November), pp. 134–139 (in Russian).
12. Hodgson J. *Economic theory and institutes. The manifesto of modern institutional economic theory*. Translation from English. Moscow, Delo Publ., 2003.
13. Radayev V. V. Once again about a subject of economic sociology. *Economic sociology*, 2002, vol. 3, no. 3, pp. 21–34 (in Russian).
14. Roshchina G. S. Conceptual approach to development of model of national idea: universality and identity connection. *Collection of materials of the All-Russian open youth contest*. Moscow, 2010, pp. 53 (in Russian).
15. Pokrovskaya N. N. Rationality of economic behavior. *News of the Russian state pedagogical university of A. I. Gertzen: Public sciences and humanities*, 2007, no. 9, pp. 128–137 (in Russian).
16. Arrow K. Rationality of self and others in an economic system. *Journal of Business*, 1986, no. 4 (October), pp. 382–399.
17. Frolova E. A. The spontaneous self-organization of individuals is a key factor in the formation of social responsibility of economic actors in Russia. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, vol. 12 (140), pp. 26–30 (in Russian).
18. Makarov V. L., Rubinov A. M., Levin M. I. *Mathematical economic theory: Pure and Mixed Types of Economic Mechanisms*. Advanced Textbooks in Economics, vol. 33. Elsevier, North-Holland, 1995. 610 p. (in Russian).
19. Genkin B. M. *Bases of the economic theory and methods of organization of effective work*. Moscow, Norma Publ., 2009. 448 p. (in Russian).

Vorobyova G. S.
Plekhanov Russian University of Economics
Per. Stremyanny, 36, Moscow, Russia, 117997
E-mail: riv58@narod.ru

Lisovskaya E. G.
The Plekhanov Russian University of Economics.
Per. Stremyanny, 36, Moscow, Russia, 117997.